

J. FARINO: ВВЕДЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

часть I /Wstęp do literaturoznawstwa Część I/ Katowice, 1978. Uniwersytet Śląski. 338 стр.; часть II /Część II/, 1980. 230 стр.; часть III /Część III/, 1980. 286 стр.

В своем трехтомном труде Е. Фарино взялся за осуществление трудной задачи: с одной стороны, автор разрабатывает "функциональную поэтику", а с другой - стремится дать введение в литературоведение для студентов-филологов, т.е. познакомить студенческую аудиторию с новыми достижениями литературоведения /в первую очередь - семиотики/. Нам кажется целесообразным именно с этих двух точек зрения рассмотреть три тома данной книги, поскольку методологический принцип ее построения предопределяется дидактическими свойствами. Автор, исходя из анализа самых глубоких структурных слоев литературного произведения, постепенно приводит читателя к более сложным "идеологическим" уровням: в первом томе освещаются свойства и возможные функции языкового материала в литературном произведении, в центре второго тома стоит проблематика т.н. "литературного субъекта", а в третьем томе анализируется круг вопросов "мира художественного произведения".

В "Предисловии" Е. Фарино предупреждает читателя, что "предложенная книга не являет собой свода незыблемых истин, подлежащих заучиванию. Она задумана иначе - проблемно и функционально" /стр. 5./. Для автора самая важная категория в литературном тексте - категория "значимости", и эта проблематика освещается в трех томах с разных точек зрения. Однако, автор считает очень важным подчеркнуть тот факт, что литература не существует изолированно от других областей искусств, и кроме этого, является своеобразным "средством" коммуникации. Поэтому он стремится познакомить студентов и с новыми достижениями искусствоведения и теории коммуникации. В сущности книги Е. Фарино представляют собой переработанный материал лекций, прочитанных с 1976 по 1978 г. в Финляндии, в Швеции и в ФРГ.

Вводную часть первого тома автор называет "Предварительной беседой", и здесь он определяет суть своего метода. По мнению Фарино, при анализе произведения искусства надо принимать во внимание и аспект воспринимающего субъекта /реципиента/. Произведение искусства всегда лишает свой объект всякой практической цели и выполняет определенную функцию в данной культуре и в данном обществе. Поэтому понятие произведения искусства исторически изменчиво. Это определение совпадает с некоторыми теоретическими предположениями Я. Мукаржовского /см. его работу: "Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты"/, согласно которым в категорию функциональности входят и определенные внетекстовые /внеязыковые/ факторы.

Вторая часть носит название "Наука о литературе и ее разновидности". Рецензируя эту часть, мы хотели бы указать на толкование автором теории литературы. Его исходная позиция заключается в следующем: не может быть одной теории литературы, "ни одна из существующих теорий не может потому считаться категорически обязательной - их надо рассматривать скорее как документ, свидетельствующий о состоянии художественного сознания в данную эпоху, а читать не абсолютизируя.." /стр. 29./.

Первая глава первого тома завершается определением термина "поэтика". Автор перечисляет и определяет разновидности и основные разделы поэтики. Нам кажется особенно существенным разграничение "стилистики" и "композиции" /согласно теории Б. Томашевского/, так как эти два понятия часто смешиваются, что ведет к затемнению их значения. Говоря о проблемах жанра, Фарино вводит термин "генологии" /употребительный в польском литературоведении/, поскольку в русском языке не существует самостоятельного термина для точного обозначения науки о теории жанра.

Во второй главе автор формулирует основные принципы своей поэтики /"Свойства языкового материала и их возможные функции в литературном произведении"/. Особенную ценность представляет собой методология развертывания материала. Е. Фарино не только излагает свою теорию, но основные тезисы иллюстрирует примерами из литературных произведений и фактами из истории культуры, и довольно часто свои предположения строит на анализе разных литературных произведений. Этим способом он, с одной стороны, доказывает "функциональность" своей теории, а с другой, - ведь книга задумана как учебное пособие - облегчает восприятие "сухого" теоретического материала.

Функциональная поэтика Фарино начинается с описания самого низшего уровня литературного произведения, с вопросов функциональности "фонетики, артикуляции и графики", потом изучаются "ценностные и узуальные аспекты языка" и глава завершается проблемой, связанной с теорией коммуникации: "Грамматика. Строение языкового высказывания". Из этого уже становится ясным, что подход автора ориентируется на новые достижения семиотики /Тартуская школа - Ю. Лотман, польская семиотика - Марие Маенова/. Фрагменты из литературных произведений для иллюстрации и для анализа Фарино берет в первую очередь из русской литературы /мы считаем очень удачными анализы произведений Гоголя, Достоевского, Булгакова, Пастернака и Ахматовой/, но в то же время автор сравнивает некоторые стилевые и пр. тенденции русской литературы с аналогичными явлениями польской литературы, и в тех случаях, когда русский литературный материал не дает возможности осветить поставленную проблему, он обращается к польской литературе и к некоторым репрезентативным произведениям мировой литературы /напр., Збигнев Херберт, Стерн и т.д./.

Функциональный подход к литературному произведению открывает возможность подчеркнуть важность семантической функции грамматической категории. Негативные категории также выпол-

няют известную семантическую функцию, они равноценны позитивным. Самая удачная часть второй главы - "Ценностные и узуальные категории языка". Особенно интересно, что здесь анализируются в рамках вопроса о заимствовании, напр., такие проблемы, как "явление двуязычия", которые, с одной стороны, имеют лингвистический и литературный характер, а с другой - входят в более широкую научную дисциплину, в историю культуры. Кроме этого, Фарино, трактуя вопрос о функциональности, указывает и на то, что необходим и анализ "ценностного расслоения внеязыкового мира".

Третья и четвертая главы первого тома /"Текст и его свойства"; "Ритм художественного текста"/ освещают проблематику теории текста и функциональной теории ритма. По мнению автора, теория текста как наука связана и с теорией информации и с историей культуры.

Последняя глава "Ритм художественного текста" чрезвычайно интересна потому, что автор при исследовании ритма художественного текста опирается и на достижения современной психологии и физиологии /напр., Юнг и Павлов/.

Таким образом первый том "Введения в литературоведение", посвященный в первую очередь функциональному анализу языкового уровня литературного произведения, является необходимой основой для дальнейшего развертывания концепции автора, осуществленной в следующих двух томах.

Во втором томе работы внимание исследователя сосредоточено на проблеме "литературного субъекта", а также на таких вопросах, как "моделирование предмета высказывания" /мира/ и "жанровые особенности высказываний", т.е. в данном разделе освещается позиция речевого субъекта - его отношение к языку и миру моделирования.

Пятая глава носит название: "Мир и литературный субъект". Фарино переосмысляет традиционное понимание категории автора:

исходя из т.н. языковой компетенции, он проводит различие между "автором" и "литературным субъектом": "... непосредственного носителя текста мы будем называть литературным субъектом, а того, кто создает таких субъектов, - автором". /стр. 12./. Согласно этому определению Фарино рассматривает специально такие фрагменты литературных текстов, в которых ярче всего проявляется многоплановость "литературного субъекта" и авторского присутствия.

В разделе "Явные и неявные способы моделирования мира" сначала дается определение "мира произведения искусства", потом вводится термин "моделирование". Моделирование - по определению Фарино - тесно связано с тем фактом, что описываемый нами мир "неизбежно будет подвергнут определенным искажениям" /стр. 28./ - , и когда мы это вынужденное искажение превращаем во вполне осознанное и целесообразное - этот тип искажения становится моделированием. На один определенный тип моделирования, т.е. "неявный тип моделирования", автор указал уже в первой главе: это тот случай, когда речевой мир моделируется свойствами языка.

В категорию т.н. "явных способов моделирования" входят такие языковые средства, которые связаны с "предметом высказывания", и которые в традиционных поэтиках получили название тропов. Автор подробно рассматривает их и иллюстрирует свои тезисы отрывками из литературных произведений. При разграничении двух типов моделирования Фарино подчеркивает их соотношенность с текстом и с контекстом в широком смысле этого слова /с эпохой, с творчеством данного писателя/.

Самая значительная функция явных способов моделирования заключается в раскрытии двух уровней текста. /Эти два уровня: "некий мир" и "отношение к этому миру"/. В том случае, если дистанция между этими двумя уровнями намеренно поддерживается, мы получаем "мир и восприятие", в противоположном случае /если уменьшается дистанция между миром и

воспринимающим его субъектом/ - "мир уже воспринятый" /"чужое видение"/.

В рамках данной проблематики Фарино касается и вопроса, выходящего за пределы литературы, - вопроса об "эстетической функции". По его мнению /основанному на предположениях Я. Мукаржовского/, - "наличие мира подчеркивает условный характер языка его описания и обращает внимание реципиента на сам этот язык. Описание становится самодовлеющим объектом восприятия и приобретает эстетическую функцию". /стр. 115./. Именно потому, что "язык описания" не только по-иному демонстрирует мир, но и переводит его на иной уровень, в иную сферу/см. "остранение" у Шкловского/, возникает условность /не-тождественность автора человеку/ литературных субъектов.

Шестая глава рассматривает функцию литературного субъекта в соответствии с литературными родами и жанрами. Фарино отделяет друг от друга речевую и литературную коммуникацию, а затем на основе этого разделения предлагает новую классификацию родов и жанров, отличную от представлений традиционной поэтики. Он различает три основных типа текстов, исходя из того, как проявляет себя говорящий субъект:

- 1/ Тексты, в которых дается только мир и где субъект максимально скрыт или отъединен от текста и является организирующим, демонстрирующим субъектом /ср. традиционная драма/.
- 2/ Тексты, в которых дается лишь "рассказываемый мир" и где субъект является излагающим, повествующим /ср. традиционная эпика/.
- 3/ Тексты, в которых дается только язык и где субъект является интерпретирующим или артикулирующим /ср. традиционная лирика/.

По мнению Фарино, необходимо разработать новую классификацию, потому что традиционные теории жанров не в состоя-

нии объяснить многих свойств более новых литературных образований. Единственное решение вопроса - в переходе от описательного подхода к подходу порождающему, т.е. "вместо исследования наличного литературного материала предлагается исследование условной речевой коммуникации и предлагается выведение отсюда основных конституирующих моментов речевых /литературных произведений/" /стр. 119./.

Придерживаясь этой основной позиции, автор определяет само понятие творческого процесса и особый статус произведения искусства. Суть творческого процесса заключается в том, что художник дает не сообщение /информацию/, а создает предмет /источник информации/. Поэтому в процессе художественной коммуникации произведение искусства не создается, а обнаруживает себя, и творческий акт является не целью, а результатом. Таким образом само произведение искусства - "открытие, новая концептуализация" предмета, источник информации в процессе коммуникации. Это предоставляет нам множество возможностей его толкования, и с этим связано т.н. "познавательная функция" искусства.

На основании вышеупомянутых принципов автор подходит к понятиям рода и жанра, выделяя внутри литературного произведения 4 фактора: речевой субъект, речевой адресат, язык и мир. Исходя из возможных соотношений между этими факторами, он предлагает следующую классификацию:

- 1/ Демонстрирующие жанры. Для них характерно, что субъект целиком элиминирует себя из текста. /см. драма - произведения, демонстрирующие речевой мир/.
- 2/ Изобразительно-нарративные жанры. В них субъект присутствует лишь в той степени, в какой это вообще требуется языком и речью. Мир и события передаются "как они есть". /см. эпика и т.н. описательная лирика/.
- 3/ Артикулирующие жанры. В них ярко выражен речевой субъект. /см. лирика и проза с явно выраженной интерпретирующей установкой речевого субъекта/.

4/ Воздействующие-вовлекающие жанры. Они построены на основе реляции объект-реципиент. Речь обладает такими специальными особенностями, которые активизируют "адресата". /см. дидактические, агитационные, сатирические произведения, тексты, которые обслуживают аудиторию/.

Автор анализирует специфические признаки каждой из этих групп, но самое интересное и привлекающее внимание - это характеристика "демонстрирующих жанров". Единственное, о чем можно сожалеть, - это то, что Фарино, когда строит свою систему, не принимает во внимание другие попытки современной классификации литературных родов и жанров.

Система Е. Фарино, несмотря на ее последовательно логическое построение, порою оказывается слишком усложненной, кроме того автору не удается полностью исключить традиционные родовые и жанровые категории, хотя он и стремится к этому.

Третий том работы состоит лишь из одной главы: "Мир и его свойства как художественный материал". Центральная категория главы - мир художественного произведения, т.е. так называемый "второй язык". Отделение этого "второго языка" от предыдущих категорий /язык, субъект/ автор объясняет определенной самостоятельностью и саморганизованностью построенного в тексте мира. Фарино подчеркивает ориентацию этого мира на ценности, его знаковый характер, наполненность его определенным смыслом, что позволяет воспринимать этот мир как специальный "второй язык".

Основную свою задачу автор видит в следующем: "показать, как и что может "говорить" литературное произведение при помощи своего мира". /стр. 6./.

При исследовании мира литературного произведения и элементов и свойств внеязыковой действительности Фарино различает следующие подходы: 1/ Мир как своеобразная словесная картина, т.е. изображение, в рамках которого достоинства про-

изведения усматриваются в "сходстве", убедительности, увлекательности сюжета, в выборе темы, в отборе языковых средств и т.п. По мнению Фарино, это неправильный подход, вследствие которого рождается поверхностная оценка. 2/ Мир как "целиком созданный и целиком автономный, руководствующийся своими собственными, внутренними законами". /стр. 8./. В этом случае речь идет уже не об изображении, а о концепции, или модели мира - тут деление на мир и язык лишь абстракция, лишь "своеобразный путеводитель по художественному произведению". /стр. 8./. Построенный в произведении мир является тоже "моделирующим средством", он тоже значим, этим определяется его статус своеобразного языка.

В дальнейшем Фарино анализирует те свойства внеязыкового мира, которые роднят его с языком: А/ Внеязыковой мир имеет свою лексику. Это прежде всего те явления, которые обладают устойчивым значением в культуре. Б/ Объекты внеязыкового мира обладают своей морфологией: они поддаются членению на составные части, имеют определенный набор функций. В/ Внеязыковой мир имеет свой синтаксис. Он проявляется в сочетаемости-несочетаемости явлений и в причинно-следственных связях. Г/ Наконец, внеязыковой мир характеризуется своей стилистикой. Она выражается в ценностном статусе явлений.

Затем Е. Фарино подробно, подбирая удачные литературные иллюстрации, описывает предметный мир литературного произведения. Он выделяет в нем две группы: 1/ литературные персонажи 2/ внешняя предметная среда. Эти группы охватывают все элементы данного уровня литературного произведения, и автор дает интересный анализ их функции.

Как на это уже указывалось выше, трехтомник Е. Фарино является руководством к комплексному, семиотическому анализу литературного произведения, в нем освещаются самые важные категории этой области науки. В заключение хочется отметить, что работа Фарино является оригинальной книгой в

ряду работ по поэтике семиотического характера. Особенно важно то, что автор строит свою книгу как учебное пособие, он считает, что семиотику - как функциональный подход к литературному произведению - можно преподавать. В этом нас убедили анализы конкретных литературных произведений, проводимые автором, которые должны показаться привлекательными и студенческой аудитории.

Можно только пожалеть о том, что обещанный автором терминологический словарь /русско-польский/ не вошел в приложение к книге. Это значительно облегчило бы работу студентов.

Мы полагаем, что трехтомник Е. Фарино, написанный на высоком, профессиональном уровне, можно рекомендовать венгерским преподавателям и студентам-русистам университетов и педагогических институтов и потому, что в Венгрии еще подобного рода учебного пособия не существует, а также и потому, что оно знакомит венгерского читателя с новыми достижениями литературоведения.

Ибоя Баги - Каталин Секе